

рассказ

*Юрий
Мишев,**Республика Татарстан,
Тетюши*

171

Изба с ПОДОЛОВКОЙ

СТАРАЯ деревенская изба, в которой когда-то жили мои бабушка с дедушкой и в которой прошло моё детство, теперь никому стала не нужна. Продать её в покидаемой всеми деревне нет возможности. По старой привычке я приезжаю сюда иногда, чтобы провести в благодатной тиши выходные. Барсик тоже достался мне в наследство от бабушки, которая доживала свои одинокие дни в родной избе, не желая никуда переезжать. У кота странная окраска, как у настоящего леопарда: рыжеватый, с тёмными пятнами. Барсик даже в моё долгое отсутствие оставался жить в бабушкиной избе. Прогрыз в нижней части обветшалой двери дыру

и через неё проползал вовнутрь. Подкармливал его сосед Фомич, отставной подполковник, вернувшийся после многолетней беспокойной военной службы в родную деревню и ставший здесь заядлым рыбаком.

С вечера я не хватился кота. Бывало, что он оставался на ночь у Фомича, пропахшего насквозь рыбным запахом. Как раз накануне сосед демонстрировал нам с Барсиком дюжину выловленных в реке на мормышку красноперых полосатых окуней. Немудрено, что мой зверь позарился на аппетитных рыбок и ночь провёл в ожидании удобного момента, чтобы стянуть парочку у соседа, подвыпившего по такому случаю. Но

когда Барсик не явился утром, я забеспокоился. Фомича дома не оказалось. Неужели кот увязался с ним на речку? Летом такое с Барсиком случалось, но чтобы зимой...

Фомич вернулся с речки под вечер хмурым. Барсика с ним не было. Узнав о пропаже, оживился:

– Вот денёк, всё одно к одному. Ни рыбы, ни кота. Да собаки одичавшие, скорее всего, загрызли твоего зверя. Развелось их нынче...

Не так-то просто было загрызть моего хитрого котяру, но пришлось поверить соседу и выпить с ним по полстакана мутного самогона.

А следующим утром меня разбудили странные звуки, напоминавшие грозное рычание затаившегося в засаде молодого леопарда. Было непонятно, откуда они исходили. Накинув фуфайку, я вышел во двор. Звуки доносились откуда-то изнутри дома. Отодрал дощатую обшивку на углу избы, проверил подпол, заглянул под крыльцо. Никого. Показалось, что рычание доносилось откуда-то сверху. Пришлось лезть на чердак.

Чердак в наших краях называют подоловкой. Там живёт до сих пор моё детство. Тот же затхлый аромат хмеля и сушёных яблок, те же звёзды на ночном небе сквозь расщелины, тот же вид из покосившегося окошечка: внизу простираются яблоневые сады, только заброшенные, густо заросшие дикими кустарниками. За садами вдалеке всё также извивается голубоватая лента

речки, опоясывая разбросанные небрежно по берегу деревянные домики.

На подоловке всегда одно время. 23.57. С той поры, как здесь оказались сломанные старинные часы, напоминающие сказочный теремок со стеклянной парадной дверцей. Чёрной минутной стрелке, будто остановленной цепкой паутиной, никогда уже не преодолеть оставшиеся три шажка до вершины, когда должен прозвучать мелодичный перезвон, извещающий о начале новых суток. «Выхожу один я на дорогу...» Именно на подоловке я, наконец, разгадал тайну перезвона, когда снял заднюю стенку уже не нужных никому часов. Оказалось, всё просто: минутная стрелка, двигаясь по кругу, заводила механизм подъёма деревянного молоточка, который начинал постукивать по стальным пружинкам в момент касания стрелкой цифры «12».

На подоловке всегда одно время года. Осень. Её густые терпкие ароматы не выветрились за многие годы. Раньше под обрешёткой крыши висели тряпичные мешочки, набитые резаными сушёными яблоками, грибами, орехами и хмелем. К жердям были привязаны верёвочками засушенные гроздья рябины. В стороне дед развешивал пучки табака, выращенного им самим на огороде. Дед Илья признавал только самосад. И собирателем, и грибником дед был заядлым, знал все заветные места в Старой роще. Бывало, поздней осенью из леса притаскивал по мешку орехов или опят. А вот хмель был личной бабушкиной заботой. Домашнее

Юрий Мышев родился (1957) в с. Ульяновко Кайбицкого р-на ТАССР. Автор книг «Древний край Тетюшский», «Незабудки», «Хрустальные облака», «Билет до Гавгамел», «Старая роща», «Слов серебряная россыпь». Публиковался в «Литературной газете», журналах «Идель», «Знамя», на портале «Сетевая словесность». Лауреат российских и международных фестивалей и конкурсов, в том числе «Живое слово» (Болдино), «Под небом рязанским», «Литературная Вена», «Пражская муза», а также лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023»

пиво, которое она варила, на всю округу когда-то славилось.

Низ подоловки надёжно утеплён: на сухие, плотно уложенные дубовые листья насыпаны опилки, прижатые сверху слоем земли. В середине подоловки высится обшарпанная кирпичная труба, выходящая наружу на шиферную крышу. В зимнюю стужу можно было согреться, прислонившись к тёплым кирпичам. Затаишь, бывало, дыхание, и услышишь мерный гул пламени в печи. Метнётся от порыва ветра дым с крыши на подоловку сквозь щели у карниза – донесёт аппетитные запахи печёной картошки, серых щей, сдобных бабушкиных пирогов.

На подоловку выбрасывали то, что и выкинуть было жалко, и оставить в избе нельзя.

Рядом с часами валяется пара лаптей. Память о прадеде Егоре. Эти лапти он сплёл особым способом в два слоя, так что в них и в грязь ноги не промочишь. Подарок для прабабки.

За трубой лежит покрытая седой пылью старая дедушкина гармошка. Растянешь меха – тяжело вздохнёт двухрядка и смолкнет, словно задохнувшись от приступа астмы. А когда-то немало деревенских красавиц заманивала в пленительные сети минорных аккордов.

**Сыграй, Ваня, сыграй,
Ваня, сормача
повеселей,
Чтобы это скудно времечко
катилося
быстрей...**

Каждую весну под крышей между карнизом и стеной лепили гнездо ласточки. Мне удавалось наблюдать с подоловки, как подлетала к гнезду касатка с острыми, чёрно-синими крылышками и кормила птенца, доверчиво высунувшего из отверстия гнезда свой маленький плоский клювик. Не забыть пережитого мною в детстве потрясения от увиденной гибели ласточки. Она укрылась от начинавшегося ливня под карнизом,

устроившись на проводе. От сильного порыва ветра два провода соприкоснулись, посыпались с треском ослепительные искры, и ласточка камнем свалилась вниз в придорожную траву. Но птенец был всё-таки выкормлен другой ласточкой. Наверно, именно он вернулся следующей весной под нашу крышу и слепил с подругой новый уютный домик.

Осматриваю подоловку: а что из моих вещей на ней осталось?

Старая истрёпанная книжечка издательства «Детгиз». Лермонтов, «Герой нашего времени». От лермонтовской прозы, которую я читал летними вечерами при свете фонарика, кружилась голова. Я подражал Печорину. Была история. Дуэль из-за княжны Мэри – изящной городской красавицы Ленки. С Грушницким – хулиганом Генкой с соседней улицы. Увы, Ленка предпочла побеждённого Грушницкого. Не объяснима женская логика. После тех пережитых страданий Печорин стал мне ещё ближе. Достигнув призывного возраста, служить я попал на Кавказ. «...И путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел неожиданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно... Воздух там чист, как молитва ребёнка...» Несмотря ни на что.

Из той же жизни остался на подоловке клубок магнитофонной ленты от катушечного магнитофона.

**Но верил я: ещё не всё пропало,
Пока не гаснет свет, пока горит свеча...**

И запутавшаяся в паутине бабочка голубянка – засохший лепесток выцветшего осеннего неба.

Барсика я не сразу обнаружил. Он забился в дальний недоступный уголок, решив видимо, что именно я замуровал его на подоловке. Кто ж ещё? Когда мне удалось просунуть руку и ухватить его за шею, он вдруг превратился в ма-

ленького настоящего барса – расцарапал мне в кровь полруки. Пришлось отпустить его и в стороне дожидаться, пока он не успокоится и не выйдет наружу сам по приставленной лестнице. Я осмотрел стены – во многих местах они были исцарапаны острыми когтями моего вольнолюбивого зверя. Всё выяснилось. Барсик забрался на подоловку в поисках добычи. Увлёкся охотой на мышей. Тем временем началась вьюга снаружи, замела щель, через которую кот обычно попадал на чердак. Сутки он держался, а на вторые вспомнил о своём зверином происхождении и заматался с рычанием по подоловке, стремясь, во что бы то ни стало вырваться из западни.

Вернувшись в протопленную избу, он снова превратился в привычного смиренного Барсика. После праздничного обеда из выпрошенных мной у Фомича пары свежих окуньков кот улёгся покорно у моих ног как ни в чём не бывало.

В понедельник мне нужно было возвращаться в город. Но с утра вновь закружила сумасшедшая вьюга. Она бесновалась весь день. Выбраться из деревни не было никакой возможности. Я оказался в западне, как мой Барсик на подоловке. Да вдобавок ещё пропал мой сотовый телефон. Впрочем, эта потеря мало что меняла в моей затворнической жизни – деревня была вне зоны досягаемости мобильной связи.

Вьюга не утихомирилась и во вторник. Днём ко мне пришёл Фомич с бутылкой самогона и банкой солёных огурцов.

– Слушай, сосед, что-то со мной не то: утром вышел покурить во двор – кто-то песни поёт на твоей подоловке.

Я пожал плечами – Барсик сидел на моих коленях, кому ж там ещё петь? Да, без рыбалки Фомич совсем пропадает. Не успел я разрезать огурец, как сосед снова напрягся:

– Слышишь? Опять поют там...

Он в страхе покосился на потолок и поспешно перекрестился. Я прислушался. Это были звуки старых бабушкиных часов! «Выхожу один я на дорогу...» Фомич засобирился домой:

– Пойду я, надо отоспаться. Пить мне больше нельзя, не напрасно меня старуха пилит...

Я не стал задерживать Фомича – к его мутной жидкости и умным рассуждениям о текущей политике у меня сложное отношение. Когда он удалился, я полез на подоловку, преодолев суеверный страх – должно же быть какое-то объяснение вдруг ожившим старинным часам.

Оказалось, что это не часы пели, а мой потерянный сотовый, который выпал из кармана, когда я Барсика из западни выручал. «Выхожу один я на дорогу...» На высоте подоловки мобильная связь существовала. Ответить на вызов я не успел, телефон разрядился тотчас, как только я взял его. Успел только пробежать взглядом по последней эсэмэске. «...Не звони мне больше!»

Я швырнул мобильник в дальний угол. Туда, где раньше свивали гнездо ласточки. Пусть останется в прошлом.

